

Тайланд

страна,
которую ник-
то и никогда
не завоевывал...

Я и есть
Вселенная
Я начинаю
испытывать
гигантской
мощности
Оргазм

Full
MOON

50 \$ в час
и я ВАША...

TAOIAN POOL
MASSAGE

Licenze

Mari Tee

ГЛАВА 32. Часть первая. В тюрьме.

– Алло, папочка, это ты? Привет, я соскучилась по тебе. Почему ты не приезжаешь?

– Дочка, ты бы знала, как я рад слышать твой голос! Я очень хочу к вам, но сейчас я очень занят, у меня много дел и я не могу к вам приехать. Расскажи мне лучше, что у вас нового, да и вообще, что-нибудь расскажи.

– Я на роликах научилась кататься. В Гоа никто не катается на роликах, а здесь многие.

– Соскучилась по Гоа?

– Да, я хочу снова каждый день с тобой купаться в море. Мама говорит, что мы скоро уже поедem в Гоа. А ещё, папочка, я на танцы живота хожу заниматься, мама говорит, у меня очень хорошо попой крутить получается. Я приеду, и обязательно тебе покажу. А ещё, тут мама недавно пошутила, она у нас шутница такая, говорит, что ты в тюрьме сидишь, я смеялась и не поверила ей, а ещё я таблицу умножения выучила всю. Помнишь, ты мне рисовал кругляшочки на песке, и мы их считали? Теперь я всё наизусть знаю. А ты чем, папочка занимаешься?

– А я, дочь, тоже время зря не теряю. Спортом каждый день занимаюсь. Я теперь ещё сильнее стал, животика, который ты называла «тёплая подушечка», теперь больше нет. Английский язык учу каждый день. Раньше ты мне помогала с английского переводить то, что я не понимал, а теперь я сам всё понимаю, и могу говорить.

– Ты молодец у меня, папочка. Я горжусь тобой и скучаю по тебе. Тут мама хочет тоже с тобой поговорить, я ей трубку даю.

– Привет любимая.

– Привет дорогой.

– Как вы там?

– У нас всё хорошо, только деньги, что дала твоя мама, заканчиваются. Здесь, по сравнению с Индией, ужасно всё дорого. Но, я вернусь в Гоа, начну продавать квас, пирожные, и смогу зарабатывать деньги. Хотела Василинке сказать, что ты в тюрь-

ме сидишь, но она не поверила. Сначала спросила: «А что, папа кого-то ограбил?» А потом начала смеяться. «Папа не мог никого ограбить, ты, мама, шутишь». Очередной чёртов кризис в стране. Ни у кого нет денег, и я никак не могу сдать нашу квартиру. Как только получится, мы сразу берём билеты, и летим к тебе в Гоа. Как ты? Что нового?

– Да, вроде, ничего нового. Наконец-то вылечил свой грибок на спине. Целый месяц мазал спину мазью, тут у всех, кто больше двух месяцев сидит, спина белыми пятнами покрывается. А, в основном – только здоровее стал. Скучаю по вам, часто вижу в снах. Ну, всё, дорогая, тут охранники показывают мне, что время на разговор заканчивается. Пока, позвоню тебе через неделю. Береги Василюнку, я люблю вас.

– Всё, закончил, хватит руками махать, – возмущённо обращаюсь я к охраннику, стоящему в дверном проеме.

Двое охранников-конвоиров снова сопровождают меня, ведя по улице в сторону тюрьмы. Один раз в неделю я имею право на международный звонок. Каждый понедельник, проснувшись с самого утра, я пишу заявление на получение эскорта для сопровождения в пункт международных переговоров. Чтобы получить эскорт, приходится каждые два часа напоминать об этом начальнику, от чего он ужасно злится. Но, – это единственное работающее средство для получения желаемого. Не напоминая, можно остаться без звонка. Весь оставшийся после телефонных переговоров день, я обычно вспоминаю свой разговор, расстраиваясь от того, что что-то забыл спросить или сказать. Надо бы не забыть взять у Дэвида снотворных таблеток. Иначе – бессонная ночь гарантирована. Раз в неделю я иду по улице, наслаждаясь тем, что над головой нет решётки, отгораживающей меня от этого прекрасного мира. Раз в неделю я могу насладиться разнообразием запахов. Оказывается, абсолютно всё имеет свой запах. Никогда до тюрьмы я не обращал внимания на это, различая только вонь или хороший запах. Оказывается, у запахов есть множество оттенков. По-разному пахнут люди, проходящие навстречу, проезжающие мимо автомобили. По-разному пахнет из магазинов, стоящих друг за другом вдоль тротуаров. Но, особенно приятно пахнут свежестью деревья и цветы. Мелко моросит дождь, впереди за углом начинается тюрьма. Охранники, зевая и абсолютно не смотря в мою сторону, еле передвигая ноги, плетутся рядом. Готов ли я, оттолкнув охранников, побе-

жать сейчас куда глаза глядят, подальше от тюрьмы, так, как это сделали Саша и Елисей? Ярко представив себя бегущим посреди улицы, я начинаю чувствовать, как слегка трясутся колёнки. Наверное, я не настолько сумасшедший как они, а может быть, я просто трус.

ГЛАВА 32. Часть вторая. На воле.

– Мне срочно нужно уехать из Гоа, Ника приняли.

– Какого Ника? Куда уехать? – испуганно спрашивает меня моя Лена.

– Ник – немец, помнишь, психоделический ветеран, который на каждом пати, всегда возле колонок танцует? Чилум ещё у него красивый, в чехле из змеиной кожи.

– Да, помню такого. Лицо не помню, а чехол с головой белой змеи, точно, помню. И что же он сделал?

– Да ничего он не сделал, приняли его полицейские, триста таблеток «экстази» было у него с собой. В тюрьме сейчас сидит.

– А ты-то причём тут?

– Я-то не при чём, просто он мой дилер. Последнее время я у него всё покупал. Вдруг его полиция прессанёт сейчас, он же может рассказать, кто покупал у него. Поеду я в Тайланд недельки на две-три съезжу. Тут все уляжется, и, если меня никто искать не будет, я скоро вернусь. Заодно и земли новые посмотрю, а то как бы не умерло Гоа в ближайшие годы. Может, в Тайланд придётся перебираться.

– Ты же обещал, что закончишь драг-бизнес?

– Леночка, нужно сначала заработать начальный капитал. Я сам с удовольствием бросил бы этот бизнес, но нам нужно на что-то жить.

Мы какое-то время сидим в нашем ресторане, молча наблюдая, как на пляже два чёрных кастрированных быка, разморённые солнцем, лениво бодаются, не желая уступать друг другу дорогу. От жары все живые существа замедляются. Собаки не обращают внимания на кошек, кошки, в свою очередь, лениво провожают взглядом крупных крыс, иногда пробегающих у них под носом. Все стараются найти тень. Упёршись рогами друг в друга, два быка не шевелятся уже минут пять. Видимо, забыв цель своего противостояния, правый бык, высунув свой длин-

ный, шершавый язык, начинает медленно лизать морду своего противника, предлагая разойтись по-хорошему.

– Привет, Васико, привет, Ленчик, – нарушает образовавшуюся тишину внезапно появившийся Серёга. – Окрошечкой накормите?

– Конечно, Серёга, заходи, присаживайся рядом.

Высокий, худощавый украинский хлопец, резво поднявшись в ресторан, плюхается на матрас.

– Ну что, застучали барабаны, прибежали уебаны, – снимая со спины рюкзак, смеясь, говорит Серёга. – Я не один пришёл, я кота себе завёл. Теперь я с ним по Гоа передвигаюсь.

Из абсолютно прозрачного пластикового рюкзака на нас пялится ошалевший от езды на мотоцикле маленький котенок.

– Серёга, ты похож на инопланетянина с оранжевой планеты.

Какое-то время мы, улыбаясь, рассматриваем оранжевое одеяние Серги. Оранжевый длинный платок, обмотанный вокруг талии до самых щиколоток, оранжевая короткая куртка, ниндзя шузы с оранжевыми нашивками в виде знака «Ом», оранжевые очки и оранжевый флюоресцентный кулон на шее.

– Васико, Ленчик, вы не представляете, в какой я переплёт только что чуть было не попал. Меня только что полиция чуть не арестовала. Сейчас закажу еды, и всё вам расскажу. – Кришна, дай мне уан окрошка виз сметана и драники виз чай.

Вылезший из рюкзака котёнок тут же начинает играть с кусочком гашиша, лежащим на столе, но, быстро получив от хозяина щелбан, скрывается под столом.

– Так вот, слушайте. Решил я себе десять грамм кокаинчика прикупить, друзья у меня скоро должны приехать. Поспрашивал я у народа, у кого лучше всего кокаин, – ну, естественно, все на Тамира показывают. Звоню ему, а он говорит, что некогда ему сейчас этим заниматься, дел, говорит, много. Но, дал телефон какого-то английского чувака по имени Муртинян. Договорились мы по телефону с этим Муртиняном встретиться у заправки. Приехал я, жду его, а он звонит мне и говорит, что не может приехать, потому что байк у него сломался. А потом тут же перезванивает и говорит, что подъедет, только ненадолго, потому что торопится. Приезжает он, значит, через несколько минут, попробовал я одну занюшку, хороший кокос, отдаю ему деньги, он садится на байк, и уезжает. И, как только я сажусь на свой мотоцикл, перегораживает мне дорогу какой-то индус

подозрительный, и, слезая с байка, начинает каким-то удостоверением махать. Я, сообразив, что это мент, мгновенно заскакиваю на байк, – и по газам. А этот гад за мной в погоню поехал. Мчится и не отстаёт. Еле оторвался от него, думал, разобьюсь на крутом повороте. До сих пор руки немного трясутся. Вот такие дела в Гоа происходят. Может, мне уехать пока куда-нибудь нужно? Как считаешь, Васико?

– Не поверишь, Серёга. Я только что своей Лене говорил, что в Тайланд хочу ненадолго уехать. Поехали, Серёга вместе в «тайку»? Бангкок посмотрим, по островам прокатимся. А оттуда позвонишь гоанским друзьям. Если никто тебя не ищет, спокойно вернёшься.

– Что с тобой случилось? – вытащив наушники из ушей, спрашиваю я Серёгу, стоящего возле входа в аэропорт.

– Позавчера на байке навернулся, ехал подвипивши, ну, и не вписался в поворот, хорошо отделался, только руку сломал. Думал, придётся отменить Тайланд.

– Ну, по сравнению с Жужей и Серёгой Арамбольским, ты, конечно, легко отделался. Только что же ты напился, ты же не пьёшь почти. Неужели тебе парни своими смертями пример не показали?

– Да, всё правильно ты, Вась, говоришь, – алкашка это зло. Только раньше мы наркотики ели, когда на пати ходили, плясали всю ночь, или две, или три ночи, – кому сколько нужно было, а потом спать ложились. А сейчас куда пойти? Разнюхались мы вчера с дружками кокаинчиком, энергия прёт, а девать её некуда. Вот и начали её алкашкой заливать. А ты же знаешь, под этим делом сколько ни пей, кажется, что трезвый всё время. Набухались мы, и поехали приключений на свою жопу искать, вот я и навернулся, хорошо, что не на смерть. Так ведь и бьются люди. Серёгу Арамбольского я не знал, а Жужа другом моим был. Про таких, как Жужа, говорят: «Был душой компании». Всегда весёлый, жизнерадостный, он ведь тоже особо не бухал раньше. А как пати прекратились, от безделья сделал самогонный аппарат, и начал экзотический самогон гнать. Банановый, манговый. Папайевый. Ну, вот и додегустировался.

– Я, Серёг, видел Жужу в день его гибели, он с двумя подружками заходил ко мне в Хэмп покушать русской еды. Тогда я и предположить не мог, что вижу его в последний раз.

«Объявляется регистрация билетов на рейс Гоа – Мумбай», – прозвучал в динамиках женский голос с сильным индийским акцентом.

– Ладно, Вась, не будем о грустном, нас ждут тайские приключения, – весело сказал Серёга, заходя в аэропорт.

Мумбай, или по-старому Бомбей, оставил приятные воспоминания только тем, что мы хорошо накурились по дороге из местного аэропорта в международный, в остальном это был обычный, грязный, переполненный людьми, большой индийский город. Но, уже через несколько часов Бангкок встретил нас приятным женским голосом, который через громкоговоритель промяукал, что рад видеть нас на тайской земле. Единственной неприятностью на этой земле было то, что по их таможенным правилам Россия и Украина входили в список из шестнадцати стран, для которых нужно было при въезде покупать специальную визу. Отстояв в очереди четыре часа, мы, наконец-то, вступили на землю бывших пиратов и сиамских кошек.

– Тайланд – это страна, которую никто и никогда не завоевывал, – сказал Серёга, выходя из здания аэропорта.

И я это почувствовал во взгляде каждого тайца. В отличие от других наций, тайцы гордятся своим происхождением. Они не пресмыкаются и не лебезят перед каждым встречным, как это делают индусы. Ощущение такое, что у тайцев нет комплекса неполноценности. Индию же завоевывали и имели все, кому только ни лень. Моголы, арабы, французы, англичане... После Индии, где привыкаешь себя чувствовать белым человеком, в «тайке» быстро понимаешь, что ты здесь гость, а тайцы – полноправные хозяева этой страны. Мы мчимся из аэропорта в центр столицы на комфортабельном, современном автобусе.

– Смотри, Васико, вроде та же Азия, всего-то пара часов лёта, а мы как будто оказались в будущем. Многоэтажные дороги, небоскрёбы, современные машины, везде чисто.

– Это точно. А ещё, Серёг, понюхай воздух, – пахнет Тайланд специями и цветами. Почти как в Индии, только нет отдушки говнеца.

– «Каосан Род» – объявляет водитель автобуса, и, выйдя на улицу, мы оказываемся в бывшем психоделическом центре Тайланда.

Улицу, на которой собирается большинство путешественников по Азии людей, я бы описал, как московский Арбат, прошедший

через психоделическую революцию, и проигравший её. Не пройдя и нескольких метров, мы тут же встречаемся с несколькими, знакомыми по Гоа, итальянскими и японскими фриками. Путешествуя когда-то на своём байке по России, я проехал от Чёрного моря до Байкала, и ни разу не встретил знакомых лиц. Но здесь, в Азии, легко можно повстречать какого-нибудь знакомого фрика, с которым ты курил где-нибудь в Гоа, Дели или Раджастане. Когда-то, лет пятнадцать-двадцать назад, на Каосан Рoad можно было купить любые наркотики в любых количествах, сейчас же, за несколько грамм гашиша можно угодить лет на десять в тайскую тюрьму. Удивительно, но, не смотря на то, что большинство людей вокруг были подвыпившими, ни от кого не исходило агрессии или отрицательной энергии. Отовсюду доносились звуки различной музыки. У уличных продавцов бойко шла торговля, а огромный поток туристов весело передвигался от одного заведения к другому. На улице можно купить всё, что может понадобится туристу, путешественнику или начинающему фрику. Каждые пятьдесят метров уличные парикмахеры предлагали заплести нам дреды, или вплести разноцветные косички. Как я люблю Каосан Рoad! Повсюду, с маленьких прилавков, предлагают за пятнадцать минут сделать фиктивные права на любой вид транспорта любой страны, всего за десять долларов. Десятки татуировочных салонов приглашают сделать татуировку или пирсинг. И, конечно же, повсюду видны рекламные вывески знаменитого на весь мир тайского массажа.

– Может быть, пойдём, накуримся сначала, а потом глазеть будем? – говорит Серёга, вытаскивая из-под гипса на руке кусок чараса.

– Ты что, Серёга, с ума сошел?! Ты провез в «тайку» гашло?

– И не только гашло, у меня под гипсом ещё грамм «димыча» и грамм «кокоса» лежит, – улыбаясь, ответил Сергей, держа на ладони кусочек, за который можно было здесь получить двадцать лет тюрьмы.

– Ну, ты и псих, сейчас хоть спрячь обратно, пока полиция не увидела.

– Да ладно, Вась, что ты так нервничаешь? Сейчас устроимся в гостинице, накуримся. Мы в Бангкоке, чувак!

Накурившись и вынюхав по дорожке МДМА, мы выходим на прогулку на вечерний Каосан Рoad. Тысячи огней в больших и маленьких фонариках, преломляясь в радужном спектре, пере-

мешиваются со звуками и запахами. Я, одетый в флюоресцентную трансую розовую одежду, и Серёга, во всём оранжевом, выглядим наверное, как два инопланетянина, которые передвигаются, пританцовывая, и останавливаются лишь поглазеть на что-нибудь яркое и блестящее.

– Ну что, Васико? Пройдёмся по секс-программе? Смотри, какие девочки вышли на улицу, – показывает Серёга на двух симпатичных таек в очень коротких юбках.

– Ой, даже не знаю, хочется, конечно, очень сильно, но, я ведь Лене своей не изменял ни разу.

– А кто же тебя заставляет изменять? Воспользуешься разочек ротиком тайской красотки. Здесь, в юго-восточной Азии, жёны сами приводят своим мужьям гейш, если по каким-то причинам не могут удовлетворить своих любимых. А у тебя уважительная причина, ты в командировке, ты возбуждён, я думаю, что твоя Ленка была бы не против. Смотри, сколько красавиц к ночи появилось на улице.

Мы сидим на бордюре тротуара, попивая вкусное тайское пиво и разглядывая высоких, узкоглазых красоток в коротких юбочках. Видя нашу нерешительность, к нам подходит необыкновенной красоты высокая, стройная тайская волшебница и молча, с улыбкой, начинает дефилировать вокруг нас.

– Смотри, Васико, – совсем молодая, лет восемнадцать всего. И грудь ещё сосочками кверху. А какие благородные, правильные черты лица. Решайся Васико, – толкает меня в бок Серёга, не сводя с неё глаз.

– Пятьдесят долларов в час и я ваша, – произносит скромно восточная принцесса, улыбаясь и заглядывая нам в обдолбанные «димычем» глаза.

– А, была не была, – соглашаюсь я, беря волшебницу за руку.

Мы направляемся маленькими улочками за нашей красоткой в притон, расположенный где-то недалеко во дворах. Заплатив вперед деньги, я первый поднимаюсь с ней в, если его можно так назвать, номер. Маленькая комната, чуть больше кровати с фанерными стенами, из-за которых доносятся наигранные стоны жриц любви.

– Боже, какое у тебя прекрасное тело. Тебе бы манекенщицей идти работать, – говорю я, наблюдая, как красотка неторопливо раздевается, оголяя спрятанные под маленькими одеждами божественные прелести.

Оставшись в одних шелковый трусиках, она нежно надевает ротиком презерватив на моего поднявшегося друга, одновременно делая лёгкий массаж, прикасаясь своей юной девичьей грудью к моим ногам. Пройдясь по моему телу своими длинными, тёмными волосами, она резко заглывает меня, я чувствую кожей её дыхание. Её идеальные груди ровно умещаются в моих ладонях. Хочется, чтобы момент высшей точки наслаждения никогда не пришёл. Но, я не могу противостоять этому и чувствую, что вот-вот кончу. Попытки отвлечься, рассматривая потолок, не помогают. Я чувствую, что момент, когда все мои нервные окончания, сжавшись, готовы подарить мне божественное наслаждение, совсем близок. Спротивляться уже бесполезно. Просунув свою ладонь под её кружевное бельё, в надежде прикоснуться к божественному лотосу, в последний миг я ощущаю ужас. В своей ладони я чувствую маленький хуй.

– Валим отсюда, Серёга, это не тёлка, это трансвестит, – застегиваясь на ходу, кричу я своему другу, ожидающему своей очереди в кресле фойе.

– Как трансвестит?

– А так, член у него в трусах. А сиськи, наверное, силиконовые.

Удивительный город Бангкок – город контрастов. Выйдя из невероятной красоты буддистского храмового комплекса и пройдя несколько метров, можно попасть на пинг-понг шоу, где страшные девушки бальзаковского возраста, на маленькой сцене, показывают фокусы своими поюзанными половыми органами.

– Серёга, что мы здесь делаем? – говорю я, наблюдая, как индусские туристы в первом ряду, в полумраке, с вожделением смотрят на голую тайку, стреляющую горошинами из соломинки, воткнутой у неё в промежности.

– Васику, мы проходим культурную программу Тайланда. Побывать в Бангкоке, и не посмотреть пинг-понг шоу – это то же самое, что побывать в Москве, и не посмотреть Мавзолей.

– А что же они, не могли красивых, молодых девушек для сцены нанять?

– Васику, а в Мавзолее что, молодая девушка лежит? Тем не менее, все иностранцы заходят туда посмотреть на старого, мёртвого деда. Не нравятся тебе поюзанные тёлки, смотри на туристов-индусов в первых рядах, – это тоже шоу.

– Да я туда, Серёг, последнее время только и смотрю.

– Смотри, Васико, она сигарету туда себе засунула. И даже затягиваться у нее получается, – тыкая меня в бок, говорит Серёга, открыв рот от изумления.

Лежащая на сцене голая женщина с сигаретой в вагине, увидев, что за ближайшим к ней столиком у зрителей закончилось пиво, вытаскивает сигарету, покрытую слизью, и тушит её в пепельнице, стоящей у них на столе, при этом светя пожилым немецким туристам в лицо фонариком. Через несколько минут бармен приносит сконфуженным бюргерам ещё пива и, выключив фонарик над их столом, подаёт знак голой тётке на сцене, чтобы та продолжала шоу.

Контрасты Бангкока сложно понять европейским умом. За продажу наркотиков в небольшом количестве, тайским законом предусмотрена смертная казнь через инъекцию яда кобры в шею¹. И, в то же время, повсюду рекламируется и продаётся концентрированный стимулятор, действующий, как амфетамин. Этот концентрированный напиток запрещён в продаже повсюду, кроме Тайланда. С давних времён, традиционно, население страны употребляет различные растительные стимуляторы, типа ябы, чтобы работать, не уставая. Тайцы – одни из самых трудолюбивых людей в Азии. И, после ленивой Индии, это сразу бросается в глаза. Путешествуя и читая книги, я понял, что у каждой страны есть свой наркотик. Россия плотно сидит на алкашке. Наши правители, на государственном уровне, со времён Петра Первого спаивают население, превращая народ в пьяное быдло, готовое работать весь день для того, чтобы вечером, напившись, забыться. Индия курит гашиш и чарас, потому что он, как в русской православной религии – кагор, является, практически, частью Бога. И, поэтому, вся нация никуда не торопится. Мусульманские страны, такие, как Афганистан, Пакистан, Иран, Сирия, массово употребляют опиум. Этот наркотик тоже является частью их религиозного обряда, и, поэтому народ этих стран вообще ничего не хочет делать, находясь постоянно в состоянии божественного баракка. Американские индейцы традиционно употребляли псилоцибиновые грибы и мескалиновые кактусы.

¹Через несколько лет смертная казнь будет заменена заключением на сто лет. Но, раз в три года на день рождения короля даётся амнистия, уменьшающая заключение на 25 лет.

Они быстро развивались духовно, но были легко завоёваны и уничтожены испанцами из-за недостатка необходимой для выживания хитрости. Варвары севера европейских стран пили отвар мухоморов, и, обезумевшие, неслись бесстрашно на врагов, завоёвывая новые территории. Жителям Латинской Америки уже много веков помогает разогреть кровь листики коки, делая их более работоспособными и агрессивными. Зная обратную сторону медали любого наркотика, или же «обраточку», как говорит Серёга, можно попытаться объяснить нестандартное поведение, или наклонности той или иной нации. Употребление психотропных стимуляторов всегда ведет к повышению либидо, или, говоря простым языком, под стимуляторами всегда хочется трахаться. Влияние стимуляторов на развитие тайской нации сразу бросается в глаза. Наверное, поэтому Тайланд называют страной секс-туризма. Проституция, гомосексуализм, трансвеститы, педофилия, любые секс-извращения – всё это законно, или полузаконно можно получить, заплатив небольшие деньги. Покупая билеты на остров Копанган, мы познакомились с владельцем туристического агентства, пожилым евреем, который тридцать лет назад уехал из СССР, и сносно говорил по-русски.

– Зачем вам Копанган? Трансовые пати там контролирует драг-полиция, а нелегальных пати нет уже лет десять. Я знаю, где в Тайланде находятся педофилические деревни, недорого могу продать вам путёвку в одну из таких деревушек. Там можно арендовать себе девочку или мальчика на пару недель за какие-то копейки. Не советую вам брать старше восьми лет, обычно к десяти годам у них уже весь комплекс венерических заболеваний. С окрестных деревень бедные крестьяне сами отдают в притоны своих детей, потому что неспособны их прокормить. Покупая такого ребенка, вы даёте ему возможность не умереть с голоду. К двенадцати годам их уже выгоняют из притонов на улицу, как устаревший товар. И редко кто из них доживает до совершеннолетия. К сожалению, это жестокая реальность Юго-Восточной Азии.

– Нет, спасибо, – хором ответили мы. У нас есть свои дети, и такого экспириенса нам совсем неохота.

Проехав на поезде через весь Тайланд, и переправившись на остров Копанган, мы оказались на земле бывших пиратов.

– Ну, вот мы на знаменитом Фуллмун Пати, – стараясь перекричать музыку, говорит Серёга, вытаскивая грамм «димыча» из-под гипса.

– Только из фриков, по-моему, мы одни с тобой здесь. Смотри Серёг, как все пьются на наши ниндзя шузы. Всё вроде транс-овое здесь, и музыка, и дизайн, только люди какие-то странные.

– Да, большинство тут секс-туристы, им вообще наплевать, подо что танцевать.

Высыпав себе в бутылку с водой грамм «димыча», я залпом выпиваю сразу половину.

– Я смотрю, ты, Васико, в отрыв пошёл? – говорит Серёга, сделал несколько глотков.

– Я хочу сегодня почувствовать энергию этого острова, сегодня всё будет по-взрослому. У меня есть пятнадцать минут, чтобы рассмотреть эту реальность, – говорю я, плюхаясь на мягкую траву.

– Грамотно они пати оформляют, Серёг. Как в гоанском «Хилл Топе», пальмы флюрной краской раскрашены, только местные художники ещё над валунами, торчащими из земли, поработали. Всё по грамотному. Флюрные фрактальные фигуры, заплетённые из желтых и зелёных ниток, качественные батники с психоделическими картинками. Только вот что здесь делают эти розовощекие персонажи с пластмассовыми ведерками в руках? Чего они из них постоянно пьют?

– Это, Вась, обычные двухнедельные европейские туристы. Ты, наверное, отвык в северном Гоа от нормальных туриков. А пьют они алкогольный коктейль – водка, ром, виски, кола, спрайт и лёд. Один литр в таком ведре. Стоит столько же, сколько и колесо «экстази».

– А почему тут у них, Серёг, «экстази»?

– Так же как и везде, сейчас «колёса» примерно одинаково стоят. Что здесь, что в Москве, что в Европе. Ну, может на четверть дешевле, но не больше.

– И что же, Серёг, вот эти все люди предпочитают литр алкашки колесу «экстази»?

– Вася, очнись, мы в двадцать первом веке, времена психоделической революции остались в прошлом столетии. Из всех наркотиков общество предпочитает алкоголь.

– Наверное, Серёг, я спятил уже. У меня в голове не укладывается этот выбор общества. Мне кажется, что весь мир сошёл с ума. О чем могут думать все эти люди, слушая трансовую музыку. Им же всё равно, под какую музыку на танцполе кривляться. А вообще, меня MDMA начинает вставлять. Пойдем на танцпол,

– зову я Серёгу развалившегося на траве. Пойдём, покажем кто такие гоанские фрики.

– Не, Вась, мне пока как-то не комфортно среди этих извращенских рож плясать, я пока поваляюсь уже.

– А я, Серёг, побежал, мне уже позарез на танцпол нужно.

Ещё не дойдя до танцпола, я резко начинаю чувствовать, как окружающий мир вокруг меня начинает трансформироваться, настраивая восприятие только на позитив и вибрации любви. Пьяные рожи уже не бросаются мне в глаза. Моё восприятие отказывается их видеть. Я воспринимаю этот мир только с самой красивой, самой лучшей его стороны. Мои розовые трансовые штаны и желтая флуоресцентная накидка, как у психоделического Бэтмена, вместе со мной, с большой скоростью передвигается среди танцующих. Я же, словно парю над танцполом, наблюдая за передвижением своего тела. Тело словно хочет нарисовать огромный иероглиф, радиусом во весь танцпол, и разукрашивает его остающимся в воздухе цветом от моей светящейся в темноте одежды. Этот гигантский иероглиф виден только мне. Я повторяю и повторяю этот иероглиф, делая магические пассы руками в попытке понять значение этого знака. Музыка настолько прекрасна, что, кажется, если она сейчас прекратится, то я просто умру. Останавливаться просто невозможно. Остановившись на мгновение, чтобы попить воды, я обнаруживаю, что меня сразу же окружили несколько трансвеститов, навязчиво хватая за член или щипая за жопу. Каждый из них, наперебой, предлагает мне уединиться с ним в ближайших кустах. Первый раз в жизни я нахожусь в таком положении, когда вокруг большинство имеет иную сексуальную ориентацию. Выросший в рабочих кварталах, и сформировавшийся на понятиях: «настоящие мужчины не пидоры», впервые я не знаю, как реагировать на такое вторжение в моё личное пространство. Но, решение находится быстро. Зачем нужна агрессия, если есть танец? Танец, как динамическая медитация, в которой распадаются на молекулы все раздражающие меня факторы. Мимо меня протекает с большой скоростью всё только самое красивое. Всё негативное растворяется в белом свете. Ощущение, что я в мчащемся поезде, а за окном кто-то покрасил весь мир флуоресцентной краской. Кажется, что мир очень яркий и расплывчат одновременно. В какой-то момент я понимаю, что меня, в привычном восприятии, в котором я привык себя осознавать, просто нет.

Нет моего я, к которому я привык, есть осознание, что я – часть этого прекрасного мира. Я – частица этого земного шара, и даже не просто земного шара, а всей Вселенной, и не просто частица, – я и есть Вселенная. И нет вообще никаких частей, есть только Вселенная – гармоничная, живая, пульсирующая. От осознания целостности себя и всей Вселенной я начинаю испытывать гигантской мощности оргазм. Не тот простенький физиологический оргазм, который испытывает человек во время пика сексуального удовлетворения, а оргазм в тысячи раз сильнее, не имеющий ничего общего с сексом. Судороги без остановок бегут по моему телу, и это продолжается и продолжается. Судороги огромного удовольствия прокатываются по моему телу в такт трансовой музыке. Это не я сейчас управляю своим телом, это Вселенная танцует сейчас мной.

– Вася! – орет мне на ухо Серёга, стараясь до меня докричаться, – может, тебе отдохнуть пора немного? Со стороны кажется, что у тебя непрекращающийся оргазм уже минут тридцать. Пойдем на травке поваляемся, а то ты сейчас сознание потерять можешь. Ты ведь почти грамм МДМА за ночь съел. Неподготовленного, обычного человека такая доза легко вырубить может, светает уже, а ты, не останавливаясь, всю ночь танцевал.

Его слова разума немного приводят меня в себя.

– Да, Серёг, телу надо бы отдохнуть немного.

Растянувшись, мы валяемся на вытоптанной зеленой траве, поедая два спелых и сочных манго. Мои руки продолжают двигаться под такт музыке. Иногда я отлавливаю себя на мысли, что даже пью и глотаю я тоже под музыку. По телу периодически продолжают прокатываться волны оргазма. С наступлением темноты я начинаю замечать, что публика, окружающая меня, абсолютно сменилась. Напившиеся с вечера, спящие секс-туристы, валяются в обнимку с трансвеститами или проститутками, а на танцполе танцуют откуда-то появившиеся красивые люди, в нарядных трансовых одеждах. С появлением Солнца приходит жара. Улыбающийся и обалдевший от счастья диджей, прибавляя громкости, подает знак тайцу, стоящему возле водопроводного крана, подающего воду в газонные распылители, установленные на растяжках между верхушек пальм, над головами танцующих. Ликующая толпа сливается в едином счастливом крике, выражающем радость победы света над темнотой.

– Здорово, братва, какими судьбами? – слышу я знакомый русский голос.

Возле нашего лежбища, весело улыбаясь, стоят, пританцовывая, Влад Лэнк, Лис, Алина, Зонт и наш непальско-австралийский психоделический дедушка, ди-джей Псай-Рико.

– Вот уж кого не ожидал увидеть здесь, – поднимаясь с земли, говорит Серёга, вытирая о траву залитые манговым соком руки.

– Как время летит быстро, я же видел вас последний раз в Непале, полгода назад. Вы для нас сейчас единственные живые люди. Мы уж с Серёгой думали, что мы здесь – единственные живые фрики. С вечера казалось, что здесь одни извращенцы собрались.

– А фрики здесь, Вась, на пати все с утра приходят, с вечера невыносимо на пьяных извращенцев смотреть, – говорит Влад, присаживаясь рядом.

– Это я уже понял. Когда к нам, в Гоа, приедешь? Ты же, Влад, года два у нас в Индии уже не появлялся. Не скучаешь?

– Да в гробу я видел это Гоа вместе с рашкой. Я нашел свой рай – это Копанган, меня всё здесь устраивает.

– А я в рашке в кредит электроники разной набрала на двадцать штук баксов. Продала по быстрому, и сюда уехала, – улыбаясь, перебивает нас всегда жизнерадостная подружка Лиса, Алина. – Теперь у меня уважительная причина остаться здесь навсегда.

– А что ты, Алина, про Индию думаешь?

– В Индии одни наркоманы, алкоголики и ссученные остались. Не хочу я туда больше. Алекс Желток еле успел сбежать, а ведь когда-то был первый русский ресторатор, известный персонаж в Гоа был. Кто-то просто взял, и сдал его. Хорошо, что его свои люди предупредили. Ордер на арест уже выписан был, он ведь почти в последнюю минуту успел свалить из Индии. А Хануман? Его уже искали гоанские менты, когда он сюда прилетел. Стучат там свои же, русские, в полицию.

– По-моему, ты, Алина, слегка преувеличиваешь. Я там живу, и всё вроде спокойно. Меньше, конечно, стало нормальных людей, но всё ещё живо Гоа. Ты говоришь, что русские информаторы на полицию работают. Ты знаешь конкретно хоть одного?

– Вася, какой ты наивный, ты, когда в Гоа вернёшься, включи соображалку и погоняй в голове. Кого полиция уже много лет не трогает? Почему другим запрещают пати проводить? Кто

лучшие пати проводит? Вот он, скорее всего, и есть тот самый. Только предъявить таким людям ничего не получится, потому что делают всю грязную работу их пушеры. А эти люди всегда белые и пушистые.

– Таковы законы этого бизнеса, – с улыбкой добавляет Зонт, вытаскивая из кармана скрученный джойнт. А здесь пока стукачей никаких нет. Здесь и пассажиры посерьёзнее, потому что на кону твоя жизнь. Пристрелят стукача, и глазом не моргнут.

– А что, Влад, ты думаешь про рашку? Давно на Родине был?

– В рашке, Вася тоже все друг на друга стучат. Я по этой причине перестал туда чарас возить, я его сейчас сюда таскаю.

– Влад, отчаянный ты чувак, за это же вышка, инъекция яда кобры в шею.

– Не волнуйся, Вась, у меня блатная линия связи с Богом, он меня оберегает, – улыбаясь, говорит Лэнк, показывая пальцем на небо.

– А как тут Хануман поживает? Я его в начале сезона видел, он на параноях с Гоа выезжал.

– Видим мы его иногда. Он с кокаином завязал, спортом занимается, йогу для туристов преподаёт, читает много буддистской литературы, на пати больше не ходит. Зато нас можно регулярно по утрам тут увидеть, или в других правильных местах. Вы на удачное пати попали. Пойдём, Вася, я тебе реально серьёзных парней покажу, сюда лохи по утрам не ходят, сюда серьёзные персонажи отдыхать приходят. Видишь, вон справа группа дредастых парней пританцовывает? Это – доминиканская братва, очень серьёзные пассажиры. Они поставки кокаина контролируют. Не советую даже пробовать соваться к ним. Сами они «кокос» не нюхают, но завалят любого конкурента, хоть и с виду как обычные фрики выглядят. А вон, видишь в розовом балахоне чувак с молодым юношей трётся? Он хоть и пидор, но контролирует улицу красных фонарей в Амстердаме, со всеми проститутками и наркоторговцами. Сам к наркотикам не прикасается, зато серьёзные сделки проводит. На него десяток «верблюдов» работает. Он себе очередную пластическую операцию сделал, и сейчас отдыхает на острове. Он хоть и на сорок лет всего выглядит, а на самом деле ему под семьдесят. Посмотри, как он клеится к парню.

Остановившись, я наблюдаю, как полноватый мужчина в розовой шляпе и длинном, до колен, бледно-розовом балахо-

не пытается закадрить художавого юношу. Юноша делает вид, что не замечает, что танцующий возле него странный мужчина оказывает ему знаки внимания. Парень делает вид, что внимательно разглядывает ди-джея и лениво пританцовывает одним бедром. Старый извращенец останавливается спиной к спине с молодым человеком, и, как будто рассматривая что-то в противоположной стороне, начинает так же пританцовывать одним бедром, иногда слегка прикасаясь своей ягодичей к его. Через несколько минут такого заигрывания, он берёт ладонь юноши в свою руку, и они уже синхронно танцуют, по-прежнему смотря каждый в свою сторону.

– Недолго ломался юный педрилка, – смеётся Лэнк, проводя меня через танцпол.

– А вон, видишь, серьёзные тайцы, не улыбаясь, танцуют? Это – местная братва. Они «экстази», «димыч» и ганджу здесь продают.

– Ну а мы – русская мафия, – улыбаясь, добавляет идущий рядом Зонт, мы чарас непальский и ЛСД продаём. Здесь все про всех знают, и ссученных нет. Никто в чужой огород не лезет. А знаешь, Вась, почему? Здесь, в стране бывших пиратов, никто шутить не будет. Завалят, не задумываясь, и труп в море выбросят. Потому, что все понимают: на кону цена – их жизнь.

Какое-то время мы молча танцуем, разглядывая разных персонажей, собравшихся под утро в этом месте. За ди-джейским пультом стоит Зонт, ставя свой любимый утренний трансый трек.

– Что там с Ромашкой в Непале? Не слышал, Вась? – не переставая оттаптывать трансый бит, спрашивает меня Лис.

– Да вроде сидит ещё, два года ему дали.

– А ты, Лис, у Зонта не спрашивал, помогает ли он Ромашке? Я когда с Ромашкой последний раз в тюрьме общался, очень уж он зол был на Зонта. Ты же знаешь, Ромашка всё на себя взял, а Зонт как вышел, тут же в Тайланд уехал, а ведь обещал помогать ему.

– Да какое там помогать! – включается в наш разговор Лэнк, – мне кажется, у Зонта крыша втихаря подтекать начала. Сначала, после тюрьмы, он подружку Ромашкину увел, я тебе, Вася, её потом покажу. Бывшая израильская снайперша, ей на войне ногу прострелили. Она тут на свою госпенсию в пять штук баксов замечательно живёт. Так вот, беременная она сейчас от Зон-

та. А Зонт по три-пять капель ЛСД в день ест, я его побаиваюсь в последнее время. Он иногда заговаривается, путает реальность со своими галлюцинациями. Предлагает то доминиканцев на бабки кинуть, то тайских транзитных перевозчиков на «экстази» развести, а иногда что-то связанное с Богом начинает нести. У него точно рассудок помутился, ни к чему хорошему это не приведёт.

– Не удивительно, столько кислоты-то есть, – говорю я, рассматривая безумное лицо Зонта за ди-джейским пультом.

– Помнишь, Вась, Андрюху Рыжего, адвоката бывшего? В Непале ещё с нами тусил? У него здесь с кислоты тоже крыша немного поехала. Сначала обвинил нас в том, что мы все тут пидоры, потом у него навязчиво-параноидальная идея появилась, что все его трахнуть хотят, начал бегать ото всех, и, в конце-концов, свалил на Шри-Ланку. Сейчас там алкашкой попускается. Я так думал, Вась, просто в трипе посмотрелся наш казанский парень Андрюха на пидоров, которых здесь дофига, и дрогнуло его женское начало.

– Это как это? – спрашиваю я Лэнка, наблюдая, как тип в розовом балахоне лапает за жопу молодого парня.

– А так. Во всех нас есть Инь и Ян. Женское и Мужское начало. Не бывает стопроцентных мужчин и женщин. Мы, мужчины, можем быть нежными и ласковыми, а женщины могут быть мужественными, как амазонки. И, в зависимости от того, сколько в нас мужественности или женственности, мы чувствуем себя принадлежащими к гомо- или гетеро-сексуализму. Вот и пошатнулся у Андрюхи этот баланс. Вместо того, чтобы признать себя таким, какой он есть, он жутко испугался и придумал себе невидимого врага в виде всемирного гомосексуалистского заговора. Я тут одного немецкого философа девятнадцатого века прочитал недавно. Отто Вейнингер, книга называется «Пол и характер». Грамотно он объясняет причины всех сексуальных отклонений, описывая базовые проблемы отношений полов. Жалко только, что чувак, написавший такой труд, в двадцать один год сам повесился, отказавшись принимать несовершенство сексуальных отношений.

– Обязательно, Влад, возьму у тебя эту книжку почитать. У нас в Гоа тоже с такими симптомами один персонаж появился. Ванечка Челябинский, объевшись кислоты, «димыча» и кокаина стал нас в заговоре каком-то обвинять. Вроде с пацановски-

ми понятиями воспитанный, а подходит ко мне на пати и спрашивает: «Ты не знаешь, Вась, а почему я как фрику Стефану в глаза посмотрю, так сексуально возбуждаться начинаю? Может быть, он меня трахнуть хочет?».

– Во, Вась, точь-в-точь, и с Андрюхой у нас здесь такая же история была, не знают парни меры в наркотиках, вскрывается их сознание. Редко кто нормальным снова становится.